

Дядя Си, увидев, что жена напугана, тут же, пользуясь моментом, строго спросил:

— Сейчас речь о том, что ты натворила лишнего или наговорила лишнего, из-за чего семья Линь так с нами обошлась!

Госпоже Цэнь не терпелось слышать хорошее о семье Линь. Она считала, что, пожив у них так долго, вытерла немало обид. У семьи Линь были деньги, и даже её, как хозяйку дома, одевали хуже, чем побочную сестру мужа. Даже их старшая дочь была вынуждена занимать украшения у Линь Мэй, этой... побочной дочери.

Это ещё полбеда. В столицу она приехала с достаточным приданым. Только поначалу их наряды не соответствовали столичной моде, но как только она всё необходимое приобрела, занимать больше не пришлось.

Но оказалось, что их старшая дочь, выезжая на прогулки, была менее популярна, чем Линь Мэй. И она тоже сталкивалась с холодным приёмом... Если бы госпожа Си не захотела выдать седьмую барышню за Линь Дана, а потом в последний момент не передумала, они с дочерью не оказались бы в таком положении.

Си Ци молчала. Родители ссорятся, и ей, как дочери, принимать чью-либо сторону было неправильно. Тем более что её мать была неправа, сказав такие вещи про Линь Мэй. Такие слов она бы не выговорила. Что такого в том, что она побочная дочь? Линь Мэй во всех отношениях лучше неё. Даже... даже должность дяди Линь была выше, чем у её отца, к тому же он был столичным чиновником.

Дядя Си, видя, что госпожа Цэнь молчит, обратился к Си Ци:

— Ступай, займись домашними делами, мне нужно поговорить с твоей матерью.

Си Ци на секунду замешкалась, но тут же встала и вышла, прикрыв за собой дверь.

Только семья Си устроилась, как во двор Линь Дая пришла госпожа Си, жена второго дяди Линь. Увидев, как её дочь с красными глазами ест, как маленькая мышка, с набитым ртом, она одновременно и облегчённо вздохнула, и ощутила стыд.

Линь Дань вышел из кабинета с пустой тарелкой, увидел госпожу Си и жестом пригласил её в зал.

Когда они расселись, а слуги подали чай и сладости и вышли, Линь Дань объяснил:

— Второй брат только что перекусил, сейчас он усердно занимается. Эти пирожные я только что приготовил, думал отнести вам, но вы пришли сами.

Госпожа Си смущённо кивнула, взяла кусочек пирожного, но вкуса не почувствовала. Линь Мэй действительно не была её родной дочерью, но росла рядом с ней с самого рождения; её родная мать была её личной служанкой, с которой она выросла, так что чувства у них были почти материнские. Конечно, ей было обидно, когда её дочь оскорбляли. Если бы сегодня эти слова произнесла не её невестка, она бы тут же дала пощёчину. А вот её невестка так её унизила!

Её муж давал ей лицо, позволив родственникам жить у них два года, выводя в свет, относился к седьмой барышне Си как к родному ребёнку, а то и с большим почтением, как к гостю. Но она никак не ожидала, что её невестка посмеет так растоптать лицо её мужа!

Да, эти слова она сказала в своём дворе. Но говорила она не понижая голоса, а двери во двор были открыты настежь. Линь Мэй радостно пошла звать Си Ци гулять, а подойдя к воротам, услышала такие слова...

Госпожа Си посидела немного, но слов так и не нашла. Она, обычно такая решительная, теперь выглядела совершенно потерянной. Взглянув на дочь во дворе, которая пыталась поднять Муфту, она тихо сказала:

— Прошу тебя, присматривай за четвертой сестрой.

Линь Дань понимал, что она сейчас чувствует себя неловко, и, видя, что она собирается уходить, велел слуге передать коробку пирожных её служанке:

— Что вы, тётя, мы же свои. Четвёртая сестра часто заходит ко мне, я только рад. Видишь, как Сяо Ци и Сяо Ба её любят.

Госпожа Си слабо улыбнулась, но, увидев, что творится во дворе, улыбка застыла на лице. Она подхватила юбки и побежала:

— Дерзкая девчонка! Ты что, этого жирного кролика взяла на руки?!

Она знала, что дочь её хорошо владеет боевыми искусствами, лучше, чем кто-либо другой в их покоях. Девушка с кроликом — это ещё куда ни шло, но их дочь держала толстого кролика Линь Даня! Кролик весил несколько десятков цзиней, больше, чем Сяо Ци и Сяо Ба вместе! Теперь их дочь никто не возьмёт в жёны, что же делать?

Линь Дань взглянул во двор: и правда, Линь Мэй несла Муфту и пулей мчалась, а следом за ней бежали Сяо Ци и Сяо Ба на коротких ножках, смеясь и хохоча.

Муфту же, которого носили на руках, был спокоен, он жевал траву, даже носом не шевелил.

Дверь соседнего кабинета открылась, и Линь Бинь с Линь Ином, которые раньше читали, тоже вышли посмотреть на шум.

— Ой, эта дикарка, когда она стала такой сильной? — Линь Бинь, едва переступив порог, отдернул ногу и спрятался за Линь Ином.

Линь Ин спокойно ответил:

— Муфта весит меньше сорока цзиней, мы все можем его поднять. Просто Муфта нам не даётся.

Линь Бинь смотрел на Линь Ина как на чудовище:

— Ты можешь его поднять, но сможешь ли так быстро бежать с ним? Разве он не видел, что его мать и служанка не могли её догнать?

— Могу. Я могу бежать быстрее четвертой сестры, — Линь Ин глубоко посмотрел на Линь Биня. — А второй брат разве не может?

Линь Бинь гордо вскинул подбородок:

— Конечно, могу!

Ху Чэ не знал, что именно произошло в семье Линь, но знал, что семью Си выставили. Он был невероятно этому рад. С тех пор как седьмая барышня Си в качестве гостя поселилась в доме Линь, у него на душе был камень. Теперь камень упал, и он почувствовал облегчение.

Подробности узнавать не стал, но с радостью притащил кучу всяких свежих вкусностей и, несмотря на взгляд Линь Ина, утащил Линь Даня к себе в комнату, где они просидели час, наслаждаясь обществом друг друга.

Линь Ин вдруг понял, что хотя учёба важна, боевыми искусствами тоже нельзя бросать, а Ху Чэ был лучшим примером — он прямо при нём увёл его брата, а он ничего не мог с этим поделать. Не говоря уже о том, что он уже много раз проигрывал битву за одеяло!

Он недовольно вернулся в кабинет, посмотрел на стул, подумал и убрал его, встав в стойку.

С тех пор как дедушка Линь решил, что все в семье должны заниматься ушу, Линь Ин считался одним из лучших, но только по сравнению с остальной семейной кучей слабых интеллигентов и старух. Например, Линь Дань мог стоять в стойке два-три часа, даже не шевельнувшись.

Линь Ин выглядел уверенно, но... меньше чем за время, пока заваривается чай, его ноги затряслись, и он рухнул на пол.

Слуга Ахоу молча закрыл дверь кабинета и принёс полотенце, чтобы вытереть ему лицо и руки.

Линь Ин, будучи упрямым, встал и снова встал в стойку. На этом этапе он уже не мог сосредоточиться на чтении, но ему нужно было чем-то отвлечься, чтобы не думать о боли в ногах:

— Почему второй брат не пришёл?

Ахоу ответил:

— Второй господин рано утром ушёл с госпожой в гости к родственникам.

— В гости? К кому?

— Не знаю, спросить?

В главной ветке Линь Ин был младшим сыном, и у него была мать, управлявшая домом, а если её не было, то старший брат. Линь Ин не интересовался семейными делами, ведь в доме ему ни в чём не отказывали. Ахоу, как слуга, обычно отвечал только за бумагу Линь Ина и знал только общие новости своего двора, а насчёт других дворов, знал максимум направление.

Даньдань (๐_๐)?: Почему ты позволяешь четвертой сестре тебя носить, а второму и третьему братьям нет?

Муфта (๐ω๐): Как самец, я притягиваюсь к противоположному полу.

Даньдань (๐_๐)?: А почему ты спишь со мной?

Муфта (๐З๐): Разве ты не мой любимый хозяин?

Даньдань (๐З๐): Ты меня так любишь?

Муфта (๐ω๐): Ну, ты кормишь меня, конечно, я тебя люблю.

<http://bllate.org/book/17701/1652766>